

Эксперименты индивидуалистов с конституцией

«Анархистский план действий»

Давид Андраде был видным деятелем Мельбурнского клуба анархистов, действовавшего с 1880-х годов. Об идеях Бакунина и Прудона он узнал из журналов *Liberty* Бенджамина Такера и *Lucifer, the Light-bearer* Моисея Хармана. Это были одни из самых известных анархо-индивидуалистских изданий в Америке; *Lucifer* стали особенно ценить после того, как Харман осмелился обсуждать тему супружеского секса и изнасилований в браке, за что подвергся судебному преследованию на основании закона Комстока, внедрившего в стране цензуру. Андраде разделял мнение Такера о законе и правительстве, хотя его убеждения относительно капитала и прибыли отличались меньшей гибкостью. Как и Такер, он считал себя индивидуалистом и социалистом. С точки зрения Андраде, анархо-индивидуализм не противоречил социализму, а представлял собой всего лишь его некоммунистическую версию[254].

В 1888 году Андраде опубликовал свою конституцию под названием «Анархистский план действий» (*An Anarchist Plan of Campaign*)[255]. В своей работе, целью которой было содействие распространению анархических социальных принципов в Австралии и за ее пределами, он обращался к трудящимся всего мира. Идея Андраде заключалась в том, что рабочие должны создавать кооперативы для закупки товаров оптом и управлять анархической экономикой, продавая эти товары населению в рамках капиталистической государственной системы. Кооперативы создадут собственный капитал, будут покупать землю, открывать собственные фабрики и магазины и строить жилые дома. Расширение движения в дальнейшем будет зависеть как от экономического успеха предприятий, так и от прочности их политических договоренностей.

Основное внимание Андраде уделил обеспечению экономического равенства или, как он выразился во вступлении, «улучшению нашего печального положения», указав «способ избавления от... невыносимого рабства». Конституция разрабатывалась с целью ограничения власти, и более всего Андраде желал сократить возможности извлечения индивидуальной прибыли властью имущими посредством эксплуатации труда: «Получение прибыли — это первая из всех форм эксплуатации, что должен понимать каждый рабочий».

Таким образом, эта конституция представляла собой соглашение между рабочими на создание объединения равноправных кооператоров. Вместе с тем в ней присутствует мощный позитивный, воодушевляющий аспект. План должен был гарантировать, что «трудящиеся не останутся лишенными прав рабами, конкурирующими на капиталистическом рынке труда за рабочие места, а станут свободными людьми, у которых есть своя собственность и капитал и которые трудоустраивают себя сами».

Содержащий 13 статей образец конституции Андраде был краток и прост. Никаких преамбул, никакого пафоса. Формулировки были четкими и ясными. Эгалитарные нормы конституции закреплялись на уровне институтов и правил регулирования. Кроме того, по замыслу Андраде, она должна была решить две ожидаемые проблемы: первой была необходимость соблюдения «существующего государственного права» и «подчинения нормам и ограничениям тех самых законов и правовых институтов, которые мы стремимся отменить»; другая заключалась в том, чтобы защитить кооператив от «интриг махинаторов» и внутреннего коллапса.

Андраде предложил ряд мер для предотвращения самой возможности подобных исходов. Конституция гарантировала всем членам доступ к коллективной собственности, «совершенно безвозмездно, без взимания арендной платы за ее использование». Каждый участник должен был стать равноправным дольщиком кооператива, насколько разрешал закон, и «получать равное вознаграждение на повременной основе за все оказанные услуги». Для ведения хозяйственной деятельности независимо от государства и защиты от накопления частного капитала предусматривалась выдача трудовых билетов. Также была закреплена и приверженность равенству: «В целях защиты от любого возможного нарушения этого принципа необходимо включить основополагающее условие, что конституция может быть изменена только при единогласном решении членов кооператива». Чтобы изменить правила совместной деятельности, спекулянтам, вступившим в кооператив с целью эксплуатации, пришлось бы заручиться поддержкой всех членов. План предусматривал право в любое время выйти из кооператива, но его действующие члены были обязаны соблюдать принятые условия. Любой нарушивший соглашение исключался из состава без возможности возвращения большинством голосов.

В «План действий» была включена большая часть предложенных Андраде правил. Его принципиальная позиция — «людям не нужны правители» — подразумевала, что благодаря неконституционным правилам люди сами смогут определять, как они хотят жить в рамках кооператива. В то же время было важно ввести регулирующие принципы деятельности кооперативов. Андраде видел их в создании общего банка, который устранил бы зависимость кооперативов от «привилегированных банкиров» и поддержал бы займы на расширение, в частности на жилищное строительство. Он также рекомендовал кооперативам выпускать собственные «журналы и общедоступную литературу» в целях «просвещения общественности в отношении принципов и методов кооперации» и для противодействия лжи, распространяемой в капиталистической прессе. Слаженное управление этими учреждениями требовало дополнительных сводов правил. Кооперация нуждалась в координации и администрировании. План содержал правила, касающиеся назначения руководителей и проведения производственных собраний. Кроме того, Андраде наделил руководителей правом вводить подзаконные акты для повседневного управления

работой кооператива (учет рабочего времени, бухгалтерский учет и распределение через склады производимых товаров), если таковые не противоречили конституции.

Андраде надеялся, что экономическая независимость, достигнутая кооперативом благодаря сотрудничеству, будет способствовать росту и политической независимости. Например, конституция гарантировала «отсутствие неравенства или иных различий по признаку пола». Андраде добавлял, что навыки сотрудничества будут порождать новые нормы, обогащая и улучшая качество межличностных отношений. Таким образом, конституционный «План действий» должен был способствовать культурным изменениям. Если женщина станет «равной мужчине», то «исчезнет ее жалкая зависимость от него, она будет властвовать над своим телом, разумом и эмоциями вместо того, чтобы быть собственностью мужа и подчиняться всем правильным или неправильным решениям, которые он ей навязывает». После освобождения от «супружеской кабалы» женщины станут счастливее и здоровее, рожая таких же счастливых и здоровых детей. «Вся нация станет здоровее, счастливее и свободнее; а нынешнее жалкое, хилое, злобное, безнравственное поколение уступит дорогу таким возвышенным и благородным людям, которых мир до сей поры не видел». Более того, Андраде утверждал, что по мере расширения свободы преступность уйдет в прошлое. «Миллионы тружеников... стонавших в нищете под игом закона, власти, грабителей и преступников, обретут новую жизнь, выйдя на свет свободы». Совершенно очевидно, что Андраде был оптимистом, однако надежды его были небезграничны: преступность, искорененная кооперацией, давала преимущество лишь лентяям, пожинаям плоды чужого труда, а описанная им анархическая свобода была основана на уважении анархистских правил и святости конституции.

Конституция Бостонского клуба анархистов

Прежде чем Виктор Яррос под влиянием Бенджамина Такера встал под знамена индивидуализма, развитие его политической карьеры как коммуниста шло весьма нетрадиционно. Он родился в Киеве в 1865 году и в 1880-х годах прибыл в Америку, будучи уже опытным активистом. Там он стал одним из ведущих авторов журнала Такера Liberty, а в конце жизни — социал-демократом, убежденным в том, что важную роль в достижении равенства призвано сыграть все-таки государство²⁵⁶. Тем не менее в 1887 году, через шесть лет после основания Такером Liberty, Яррос выступил с речью на первом заседании Бостонского клуба анархистов. Позже его речь была издана под заголовком «Анархизм, его цели и методы» (Anarchism: Its Aims and Methods) и включала в себя официальную, принятую Клубом конституцию.

Центральной темой объемной преамбулы была «отмена любой власти, навязанной человеку человеком», и она же красной нитью проходила через весь остальной текст. Поддерживая мнение Прудона о том, что «свобода есть мать, а не дочь порядка», он провозгласил власть «отцом всего социального зла». Обильно цитируя первый номер журнала Liberty, он утверждал, что «главной битвой» анархистов является битва с государством, «которое

обесценивает мужчин», «бесчестит женщин... развращает детей... попирает любовь... душит мысль... монополизирует землю... ограничивает веру... запрещает обмен», «дает праздному капиталу силу приумножения и позволяет ему посредством процентов, арендной платы и прибыли отнимать у рабочего класса плоды его труда». Отмена государственной власти также была закреплена во второй статье конституции. По сути, для Ярроса это и являлось «определением термина "анархия"»; оно представляло собой «центральное утверждение, лежащее в основе нашей философии и системы мышления». Пытаясь найти позитивный термин для его описания, Яррос остановился на «индивидуальном суверенитете, или эгоизме». Говоря современным языком, это был либертарианский антикапиталистический взгляд[257].

Как и Андраде, Яррос включил в конституцию 13 статей. За исключением статьи 2, все они касались внутренней организации Клуба и проведения его совещаний. Членом Клуба мог стать любой подписавший конституцию. Все члены наделялись равным правом голоса. Членские взносы не взимались: члены Клуба ежемесячно вносили пожертвования на покрытие организационных расходов, если «позволяли обстоятельства». На каждом ежемесячном заседании большинством голосов избирался председатель. Единственным «постоянным должностным лицом» был секретарь-казначей. Эта должность также была выборной, и занимать ее можно было в течение года. Председатель обладал широкими полномочиями. В соответствии со статьей 5 он наделялся правом «руководить... всеми заседаниями Клуба, как открытыми, так и закрытыми», проводившимися между регулярными ежемесячными собраниями. В статье 9 указывалось, что «руководство каждым заседанием возлагается исключительно на председателя и его решения обжалованию не подлежат». Учитывая возможные злоупотребления, Яррос принял меры к тому, чтобы исполнение этих полномочий подвергалось проверкам. Десять членов Клуба могли потребовать от секретаря-казначея созыва специального рабочего совещания, а статьей 10 предусматривалось, что председатель может быть смещен с должности 75%-ным большинством голосов. Яррос ограничил также полномочия секретаря-казначея, однако контроль над его деятельностью был слабее: не только остались неуказанными «обязанности... возложенные на это должностное лицо», но также снять или заменить занимающего эту должность человека члены Клуба имели право только при условии, что «каждый член Клуба будет уведомлен секретарем-казначеем о поступлении такого предложения еще до начала заседания». Члены Клуба могли выйти из его состава в любое время, однако были обязаны делать это в официальном порядке, путем письменного уведомления секретаря-казначея. Все решения по основной деятельности и по отстранению секретаря-казначея принимались простым большинством голосов. Несогласные имели право требовать, чтобы их мнение было занесено в протокол. В особых случаях изменения в конституции подлежали единогласному одобрению. Предложения об изменении конституции могли обсуждаться только на регулярных заседаниях, и, хотя они могли быть вынесены на специальные заседания, требовалось письменное уведомление об этом секретарем-казначеем членов Клуба. Никакие поправки не могли быть «предложены дважды в течение трех месяцев»[258].

Яррос включил два объемных комментария, поясняющих полномочия председателя и использование большинства голосов. Хотя, по его мнению, разница между принципами анархии и власти была «слишком очевидной и явственной, чтобы ее не понимать и не

признавать», наличие этих комментариев говорит о том, что он допускал возможность некоторой путаницы между изложенной в преамбуле антиправительственной позицией и предлагаемыми положениями конституции.

Затруднения устранялись путем обращения к принципу добровольности. Для этого Яррос изучил опыт другого выдающегося индивидуалиста, аболициониста Стивена Перла Эндрюса, который на примере светского салонного общения продемонстрировал оптимальный тип социального взаимодействия. В раскованной атмосфере нарядного салона «полностью признается индивидуальность каждого. Взаимодействие... происходит в условиях абсолютной свободы. Разговоры ведутся непрерывно и отличаются вовлеченностью и разнообразием. Люди, согласно интересам, объединяются в группы... которые то и дело распадаются и образуются вновь под действием едва уловимого и всеохватного влияния». Здесь царят свобода и равенство. Любые «законы этикета... есть всего лишь предложения принципов, которые принимаются и оцениваются» каждым человеком в отдельности. Такой формат Эндрюс противопоставлял «официальному собранию». Здесь каждому на выступление отводится время, «установленное законом», позиции участников «точно регламентируются», а темы для обсуждения, «стиль речи и сопровождающие ее жесты тщательно определены»[259]. Регламентированный законом салон представлял собой пример недопустимого рабства.

Аналогию Эндрюса Яррос применил к отношениям между анархией и государством. Государство было особым видом законодательно закрепленной организации, «военным институтом», построенным на агрессии, и классовым институтом, порождавшим неравенство через привилегии и различия. Правительство «настраивало людей против людей и классы против классов своим фаворитизмом... и предоставлением особых возможностей», а также применяло силу, чтобы добиться подчинения этим условиям. Однако анархисты отказывались соглашаться со злоупотреблениями правительства.

Как и панархисты де Пюида, Яррос утверждал, что у анархистов нет намерения принуждать правительственных деятелей к отказу от предпочитаемого ими порядка в пользу анархии. Но, в отличие от панархистов, он характеризовал правительство как монополию и полагал, что государство уничтожает альтернативные формы правления. Поскольку государство представляло собой тиранию, он также утверждал, что анархисты вправе использовать любые необходимые средства сопротивления. Хотя Яррос считал словесную пропаганду более эффективным методом, чем импульсивные революционные действия, но вместе с тем придерживался мнения, что на войне все средства хороши. Отдавая дань Иоганну Мосту, одному из самых известных сторонников пропаганды действием из числа анархо-коммунистов, он призывал анархистов изучать науку революционной войны для обеспечения собственной безопасности.

Популярный аргумент о том, что власть большинства есть то же самое, что и управление на основе согласия, не сумел произвести впечатления на Ярроса. Демократия, возможно, и представлялась ему «наименее возмутительной формой правления», однако он не признавал, что решение одного человека может быть законно отменено на основании решения большинства. Если А и В не имеют «законной власти» над С, действуя по отдельности, то с какой стати предпочтения С должны быть отвергнуты, когда они

действуют совместно? Либо А, В и С имеют «естественные права на жизнь и свободу», либо нет[260].

Пояснения Ярроса вскрывали два важных момента. Во-первых, «салонная анархия», подобно «союзу эгоистов» Штирнера или «республике друзей» польского анархиста Эдварда Абрамовского, в противовес существующему авторитарно-отчуждённому и навязанному обществу, не была нерегулируемым порядком — она просто продвигала «другой вид регулирования». Во-вторых, правила, принятые анархистами для саморегулирования обществ, были полностью добровольными. Признавая, что государственная власть гораздо сложнее и значительно объемнее светского салона, Яррос настаивал на том, что «вопрос о масштабах и пропорциях полномочий государства является вторичным и чисто практическим». Разница между правительством и анархией была принципиальной: только последняя обеспечивала «членам право выхода в любое время» и «отсутствие ограничений в рамках деятельности». Члены Клуба вправе «увеличивать и уменьшать его функции по своему усмотрению, а их опыт можно смело использовать для демонстрации того, какую пользу приносят совместные усилия»[261].

Создав добровольное объединение, в дальнейшем анархисты вольны принимать решения большинством голосов для ведения текущих дел, утверждал Яррос. Данное положение он включил в конституцию по соображениям эффективности. Не стоит путать это с «системой подчинения воле большинства при демократических формах правления», так как в подчинении, навязанном правительственными решениями, отсутствует элемент добровольности. Точно так же, если анархисты решали наделить одного или нескольких членов Клуба более широкими полномочиями для принятия решений по сравнению с остальными, то это происходило потому, что они оставили за собой право «выбирать любой способ практической организации» для осуществления своей воли. В любое время они могли отказаться от этих рабочих процедур или изменить их. Таким образом, председатель Клуба не являлся авторитетом, даже несмотря на то, что в «чрезвычайных случаях» мог действовать по своему усмотрению. Членов нельзя было принудить соглашаться с решениями председателя, поскольку в соответствии с анархистским принципом председатель следовал указаниям членов.

Как и Андраде, Яррос ожидал, что анархические порядки будут более стабильными и мирными, чем система государственного правления, хотя бы потому, что анархисты смогут вести свои дела без принуждения. Его целью было создать анархическое пространство для анархистов, а его конституция была задумана как образец, который могли бы позаимствовать другие. Как и Андраде, он считал, что успех анархии зависит от выстраивания отношений между небольшими устойчивыми клубами и обществами. И все же, в отличие от Андраде, Яррос не ожидал распространения этой модели на трудящихся всего мира, хотя теоретически это было вполне представимо. Его элитистские воззрения объясняли такую уверенность в собственной конституционной схеме. По выражению самого Ярроса, ему было неинтересно спасать «полуголодных, слепых рабов», поклоняющихся «силе, стирающей их в порошок», и готовых «защищать ее до последней капли своей крови»[262]. Анархистская конституция Бостонского клуба отстаивала права и свободы немногих просвещенных интеллигентов, способных и без нее урегулировать свои разногласия за бокалом вина. Всем остальным предлагалось мириться с законодательно закрепленным злом.

Версия #1

Зверобой создал 11 апреля 2025 15:35:32

Зверобой обновил 11 апреля 2025 15:37:59